
УДК 82.0 (470.6)

ББК 83.3 (235.7)

Б 91

Бурнусузян А.П.

Аспирант кафедры литературы и методики ее преподавания Армавирской государственной педагогической академии, e-mail: araksiya.b@mail.ru

Поэзия северокавказской диаспоры как часть культурного наследия Кавказского Дома
(Рецензирована)

Аннотация:

Рассматривается тематика и проблематика общеэмигрантской поэзии, проекция существующих проблем в творчестве писателей диаспоры. Подчеркивается, что историческая родина на страницах произведений поэтов-эмигрантов предстает как некий интегрирующий идеал, что подчас приводит к глобализирующему восприятию Кавказа. Установлено, что общеэмигрантская тематика конкретизируется через призму непрерывной духовной связи с Кавказом: отстаивая обобщенно-символическое значение Кавказа как исторической родины, подчеркивая его бессмертное начало, поэзия в целом декларирует приверженность Кавказскому Дому и является частью его культурного наследия.

Ключевые слова:

Диаспора, Кавказ, свобода, честь, дух, горец, Кавказский Дом, кавказоцентризм.

Burnusuzyan A.P.

Post-graduate student of Department of Literature and Technique of its Teaching, the Armavir State Pedagogical Academy, e-mail: araksiya.b@mail.ru

Poetry of the North Caucasus diaspora as part of a cultural heritage of the Caucasian House

Abstract:

The paper explores the subject and problems touched in the general emigrant poetry as a projection of existing problems in creativity of diaspora writers. It is emphasized that in works of poets emigrants the historical homeland appears as a certain integrating ideal that sometimes leads to globalizing perception of the Caucasus. It is established that the general emigrant subject is concretized through a prism of a continuous spiritual bond with the Caucasus, defending generally - symbolical value of the Caucasus as historical homeland and emphasizing its immortal basis. The poetry as a whole declares commitment to the Caucasian House, being a part of its cultural heritage.

Keywords:

Diaspora, the Caucasus, freedom, honor, spirit, mountaineer, the Caucasian House, the Caucasus centrism.

Современную северокавказскую диаспору составляют, главным образом, потомки выселенных горцев в эпоху Кавказской войны (1817-1864 гг.). Они живут в Турции, Сирии, Иордании, Германии, США, Голландии и других странах, имеют свои культурные центры, издают общегорские газеты и журналы на турецком, арабском и английском языках. Есть и пишущие на родных языках, однако выпуск книг на них весьма затруднителен, ибо в той же Турции горская диаспора ограничена в своих правах и правительство делает все, чтобы «отуречить» эмигрантов. Кроме прочего, представители диаспоры долгое время не могли навестить родные земли, потому что после установления Советской власти во многих северокавказских республиках наглухо закрылись границы, несколько десятилетий не было, практически, никакого общения. А переселенцы мечтали о расширении связи диаспоры с родиной; в этом они видели возможность сохранения родного языка, развития национальной культуры.

Именно поэтому в литературе северокавказской диаспоры последовательно и целеустремленно звучит мотив: наши предки унесли с собой Кавказ. Литература, обнаруживая несомненную генетическую связь с этнокультурным контекстом национальной традиции, сформирована *там* (Турция и другие страны), будучи по приверженности к определенной проблематике *здесь* (Кавказ). Это, если воспользоваться образной аналогией Г. Струве из его книги «Русская литература в изгнании», «воды отдельно текущего потока», но не вызывает сомнения основополагающая задача литературной диаспоры «содействовать обогащению <...> общего русла...» [4: 56].

Общеэмигрантская тематика (одиночество, ностальгия, тоска по утраченной и поверженной родине) конкретизируется через призму непрерывной духовной связи с Кавказом, сильного чувства преемственности поколений, которые со-

храняются вопреки историческим потрясениям. Тема всепоглощающей тяги и духовного «исхода к Кавказу», сознание фундаментальной ценности свободы как синонима понятия «Кавказ» обрели первостепенное значение.

Поэзия Алаэтдина Сезгина, Демира Шимшека, Семиха Дагестанлы, Эфгана Чаглы, Рифата Озбея, Али Акатурпа и др. чутко отреагировала не столько на столкновение цивилизации и природы, модернизации и органики горской жизни, сколько на глубочайшее противоречие между историческим призванием, обоснованным в ходе кавказской войны, и тем социальным проектом, который был реализован вопреки духовным устремлениям кавказцев. В стихах Семиха Дагестанлы лирический герой остро переживает историческую драму соплеменников. Мало при этом сказать, что идея и идеал героического сопротивления присутствуют как несомненный духовный импульс. Это скорее род постоянной силовой тяги образных решений, решающий компонент мировосприятия и поэтики, создающий и поддерживающий особую эмоциональную атмосферу и экспрессивную окраску.

Поэзия северокавказской диаспоры вовлечена в контекст неразрешенного (или неразрешимого?) спора, истории взаимонепонимания России и Кавказа. Что стоит за этим спором — столкновение несопоставимых миров? Трагический поиск возможной одной исторической дороги? Мучительное сближение чужих, но не чуждых миров? Тяжелый, но все-таки частный вопрос в рамках геополитического соперничества России с Персией и Турцией? Эта мировоззренческая доминанта исторической памяти, закрепленная в семейных преданиях, в народных легендах, мощно корректирует мир личностно-неповторимого, прямо влияет на тип поэтического сознания, формирует психологический контекст поэтического слова. Пульсирует, если так можно сказать, нерв коллективного бессознательно-

го, а процесс опаматования выступает как источник лирического вдохновения.

Когда Семих Дагестанлы пишет о том, что «дышит дух имама», то становится ясно: для поэта незатухающий резонанс исторической драмы трансформируется в сиюминутное чувство, в повседневность сегодняшнего переживания, когда предок воспринимается как современник. Душа шахида, позывные джихада, дух имама, священный флаг предстают не как далекое прошлое или вчерашний день, а как жгучая реальность, столь же неопровержимая, как и соль аравийского песка на хлебе изгнанника. Прошлое как интимное семейное предание — в актуализации этого мотива сходятся многие поэты диаспоры. Поход Надир-шаха или восстание шейха Мансура задолго до Шамиля не говоря уже о трех легендарных имамах (Кази-Магомед, Гамзат-бек, Шамиль) и мухаджирах — эти и многие подобные факты истории переживаются как события личной биографии. Лирический герой Семиха Дагестанлы чувствует, как «соки струятся из пластов истории», следуя логике почти экстатического самовнушения; «моя душа на восемьдесят лет старше тела». Стоическая верность памяти и праху предков как бы останавливает само время: «возмужавшие юноши, как и двести лет назад». В стихотворении Семиха Дагестанлы «Смирились мы с участью Вечного жида, хотя нас и не в чем винить!», которое разворачивается как ответ на вопрос ребенка («а что это — Родина?»), юному созданию предстоит познать главное — «тоску по отчизне забытой»:

*Пытливый потомок мюрида узнает,
Как гасли в домах очаги,
И как предпочли мухаджиры изгнанье
Горам, что обжили враги [3: 14].*

Бросается в глаза характерная особенность поэтического мироощущения: глубинная историческая ретроспектива трансформируется в желаемую перспективу, отшумевшие события приобретают как бы «второе дыхание» в рамках нового

цивилизационного проекта, обращенного в будущее. Прошлое, оставаясь самим собой, становится будущим, минуя многомерный и более чем поучительный опыт XX века. Погибнуть тогда, чтобы воскреснуть завтра, пережить новое, подлинное самоутверждение в другом историческом и духовном измерении. Очень характерны в этом смысле не столько констатации типа «сирота свободы», «потомственный изгой», «участь вечного жида», «бесконечная нить обид», сколько обращенность в будущее («расчехлить знамена», «жди, недолог час», «придут иные поколения», «наши молитва и любовь все же спасут»). Для Семиха Дагестанлы все жертвы — «зерна грядущей свободы», ибо ожиданием свободы живет Кавказ. Отношение к свободе как фундаментальной общекавказской ценности лишено, как правило, конкретно-исторической обусловленности. Перед нами скорее метафизика свободы, абсолют свободы как таковой, свобода в себе и для себя, безотносительно к чему-либо. Свобода как единственная и постоянно ускользающая ценность, поиск которой самодостаточен — эта тема у поэтов северокавказской эмиграции обретает онтологический статус. Именно со стихотворения «Свобода» начинается Семих Дагестанлы свою книгу «Звезда мухаджира». Через взаимотяготеющие метафорические уподобления — «солнце свободы», «дети гор — дети свободы», «свобода — желанная невеста», «Кавказ — обитель свободы» — историческая родина конкретизируется под знаком перманентного свободолобия. Поэт находит сильный образ, разворачивая свое представление о Кавказе не только как о духовной опоре и стихии свободного духа, но и как о доме, временно оставленном. Мысль, которая, «словно дервиш», бродит по долинам отчизны («отчизны, где сроду я не был») — предвестник возвращения, возрождения, неизбежного воссоединения с исторической родиной.

В общеэмигрантской поэзии Кав-

каз предстает как интегрирующий идеал, как цивилизационный тип общности, расширяющий смысловое поле понятия «историческая родина», как надвременная субстанция. Доминирует общекавказская ментальность, надэтнический кавказоцентризм как следствие вынужденного этнического самоотречения (биографическая невозможность идентификации своих корней), что приводит подчас к излишнему общему, глобализирующему восприятию Кавказа, к незнанию внутрикавказских деталей и живых подробностей. В программном стихотворении Семиха Дагестанлы «Северному Кавказу» край предстает как «алмаз монолитный», а «море Черное с Каспием» — как «рукава одной неразрывной черкески». Не «замыкаться в эпических станах», предпочитая «одинокости — объединенье» — в этой тональности «спасающего единства» выдержаны многие стихотворения. Рефреном проходит в стихотворении «Абхазия ищет свободу на полях сражений» фраза «народы кавказские, узы единства не режьте!»

Нельзя не отметить, что поэзия, выступая исключительно как образная реконструкция исторической драмы, оставляет ощущение жесткой тематической связанности. Почти незаметны иные смысловые обертоны, повороты ищущей мысли, способной подняться до национальной самокритики. За границами устойчивого миропонимания остается то, что можно назвать высотой философского осмысления (например, уровень антивоенного пафоса, когда начинаешь понимать, что «под небом много места всем», как в лермонтовском «Валерике»). Реконструкция предполагает прежде всего мышление контрастами, предельно обозначенной оппозицией (как у Семиха Дагестанлы: «для преданных тебе (Дагестану. — А.Б.) — взлет и высота, для предавших — падение и бездна»). Текст, поэтическое слово погружены в контекст, предполагающий не столько широкий социокультурный смысл, сколько систе-

му знаковой нормативности, сложившихся внутренних смысловых связей между ключевыми словами (Кавказ — свобода — честь — дух — горец и т.д.), которые выстраиваются в некий обязательный синонимический ряд.

«В любой национальной культуре присутствуют элементы вклада в мировую цивилизацию или в культуру соседей, знание этого вклада должно стать достоянием массового сознания» [2: 13]. Достоянием массового сознания должна стать и поэзия северокавказской диаспоры. Свою парижскую речь в 1924 году И. Бунин начал с принципиального уточнения: «Мы в огромном большинстве своем не изгнанники, а именно эмигранты, то есть люди, добровольно покинувшие родину» [1: 349]. Если различать эти понятия применительно к северокавказской диаспоре, то очевидно, что выходцы с Северного Кавказа в большинстве своем изгнанники, а не эмигранты, покинувшие родину не добровольно, а насильно. Далее И. Бунин говорил о «глубоком падении народа», о «великом падении России» («сошла с ума», «погрязла в мерзости всяческих злодеяний и всяческой нравственной проказы» [1: 351-355]). Продолжая сопоставление, можно выделить иную тональность в поэзии северокавказской диаспоры: оправдание народа в его героическом сопротивлении, в верности идеалу свободы, в возвышении, а не в падении, национального самосознания. Признание Семиха Дагестанлы («я один — без народа») исполнено трагического смысла именно потому, что пронизано чувством оторванности от героического жребия народа. Приобщение к несломленной национальной воле — нравственный императив отношения к народу. Приобщена к народу и общеэмигрантская поэзия, которая, отстаивая обобщенно-символическое значение Кавказа как исторической родины, подчеркивая его бессмертное начало, декларирует приверженность Кавказскому Дому.

Примечания:

1. Бунин И. Миссия русской эмиграции. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М.: Сов. писатель, 1990. 414 с.
2. Бурнусузян А.П. Северокавказский мир и Россия: семиотика самоузнавания // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп: Изд-во АГУ, 2011. Вып. 2. 208 с.
3. Дагестанлы С.С. Звезда Мухаджира. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1994. 90 с.
4. Струве Г. Русская литература в изгнании. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. 408 с.

References:

1. Bunin I. Mission of the Russian emigration. Damned days. Memoirs. Articles. M.: Sov. writer, 1990. 414 pp.
2. Burnusuzyan A.P. The North Caucasian world and Russia: self-recognition semiotics // The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the Arts». The AGU publishing house, 2011. Iss. 2. 208 pp.
3. Dagestanly S.S. Mukhadzhir's star. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1994. 90 pp.
4. Struve G. The Russian literature in exile. New York: The publishing house of Chekhov, 1956. 408 pp.